

Научная статья

УДК 82

DOI 10.25205/2713-3133-2024-1-21-30

**По дантовскому следу: семантика сюжетной организации
мистико-философского триптиха Вяч. Иванова
(«Сфинкс», «Врата», «Миры возможного»)**

**Елена Павловна Баранова¹
Наталья Васильевна Дзуцева²**

^{1,2} Независимый исследователь
Иваново, Россия

¹ baranova-elle@mail.ru

² starova@bk.ru

Аннотация

Исследуется символично-философская семантика сюжетного построения поэчного триптиха Вяч. Иванова «Сфинкс», «Врата», «Миры возможного». Устанавливается поэтическая логика связи этих поэм, объединяющим элементом которой является концепция посвятельного пути, распространенная в интеллектуально-мистической атмосфере начала XX в. Доказывается, что автор идет по следам «Божественной комедии» Данте, видя в нем поэта, открывающего пути в символично-философском постижении мира. При этом, однако, Вяч. Иванов находит и свои способы художественного осмысления сюжетных поворотов, отступая от «Дантова кода». Идею метафизического восхождения поэта к Высшим сферам Бытия во многом воплощает фигура героя-повествователя, идущего по посвятельному пути, в результате которого ему открывается единство макро- и микрокосма мира и человека.

Ключевые слова

поэчный триптих, сюжетная организация, «Дантов код», «Божественная комедия», концепция посвящения, герой-повествователь, символическая вертикаль «a realibus ad realiora»

Для цитирования

Баранова Е. П., Дзуцева Н. В. По дантовскому следу: семантика сюжетной организации мистико-философского триптиха Вяч. Иванова («Сфинкс», «Врата», «Миры возможного») // Сюжетология и сюжетология. 2024. № 1. С. 21–30. DOI 10.25205/2713-3133-2024-1-21-30

© Баранова Е. П., Дзуцева Н. В., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2024. № 1. С. 21–30
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2024, no. 1, pp. 21–30

Following Dante's Trail: Semantics of the Plot Organization of the Mystical-Philosophical Triptych Vyach. Ivanova ("Sphinx", "Gates", "Worlds of the Possible")

Elena P. Baranova¹, Natalia V. Dzutseva²

^{1,2} Independent Researcher
Ivanovo, Russian Federation

¹ baranova-elle@mail.ru

² starova@bk.ru

Abstract

The article examines the symbolic and philosophical semantics of the plot structure of the poetic triptych Vyach. Ivanov "Sphinx", "Gates", "Worlds of the Possible". The poetic logic of the connection between these poems is established, the unifying element of which is the concept of the initiatory path, widespread in the intellectual and mystical atmosphere of the early twentieth century. It is proved that the author follows in the footsteps of Dante's "Divine Comedy", seeing in him a poet who opens paths in the symbolic and philosophical comprehension of the world. At the same time, however, Vyach. Ivanov also finds his own ways of artistic interpretation of plot twists, deviating from the "Dantean Code". The idea of the poet's metaphysical ascent to the Higher spheres of Being is largely embodied by the figure of the hero-narrator, who goes through an initiatory path and as a result of which the unity of the macro and microcosm of the world and man is revealed to him.

Keywords

poetic triptych, plot organization, "Dante's Code", "Divine Comedy", concept of dedication, hero-narrator, symbolic vertical "a realibus ad realiora"

For citation

Baranova E. P., Dzutseva N. V. Following Dante's Trail: Semantics of the Plot Organization of the Mystical-Philosophical Triptych Vyach. Ivanova ("Sphinx", "Gates", "Worlds of the Possible"). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2024, no. 1, pp. 21–30. (in Russ.) DOI 10.25205/ 2713-3133-2024-1-21-30

Дебютный поэтический сборник Вяч. Иванова «Кормчие Звезды» (1903), по признанию современников и последующих исследователей, далеко не похож на первые шаги начинающего поэта. Он достаточно выверен не только по поэтическому миропониманию, но и в формально-эстетическом содержании. Разнообразен он и в отношении жанровой природы поэтических опытов: здесь встречается излюбленная Ивановым сонетная структура, малая стиховая форма, циклические образования, к которым впоследствии он будет особенно тяготеть. Что касается обращения автора «Кормчих Звезд» к крупной поэтической форме, то в этой теме на сегодняшний день определенной ясности нет: здесь жанровая отнесенность предстает весьма проблемным моментом¹.

¹ Сам автор не оставил никаких указаний на этот счет, назвав эти тексты терцинами. Тем не менее в исследовательской литературе, посвященной творческому наследию Вяч. Иванова, чаще всего наблюдается восприятие этих произведений как поэм (С. Аверинцев, А. Асоян, Г. Обатнин). Между тем их жанровая специфика не подвергалась специальному

Говоря о повествовательной структуре ранних ивановских поэм, необходимо заметить, что в их сюжетике различается трансформированная, согласно ивановской символистской формуле «*a realibus ad realiora*», мифологема духовного посвящения: субъект повествования реализует процесс приобщения малого, грешного человеческого мира высшим сферам бытия. Эти основополагающие принципы организации жанровой структуры поэм «Сфинкс», «Врата», «Миры возможного», а также целостный символично-философский комплекс, в них выраженный, позволяет нам говорить о них как о едином художественном пространстве, представляющем собой своеобразный метатекст, объединенный жанрово-композиционными и символично-художественными реалиями, что дает право рассматривать это художественно-философское единство – «Сфинкс», «Врата», «Миры возможного» – как поэзный триптих. В этих финальных произведениях сборника «Кормчие звезды» общность легко обнаруживается: наиболее глубоко и выразительно представлено откровение духовного опыта, дана панорама самой внеземной иносферы и обозначен процесс мистического посвящения. Контаминация метасюжета и композиционной вертикали позволяет увидеть скрытый посыл автора, заложенный в этой форме, а именно «путь ученичества, плавно переходящий в путь посвящения»².

Обращаясь к поэзному метатексту «Кормчих звезд», мы видим, что Иванов интуитивно открыл форму пути, по которому должно совершаться движение человеческого духа к открытию Божественных законов мироздания. Передачу этого откровения Иванов и осуществляет в форме поэзного триптиха. Этот факт утверждает мистическую основу философских прозрений автора и его мировосприятия в целом, выводя сборник «Кормчие звезды» на новый уровень осмысления заложенного в нем художественно-философского потенциала.

Сюжетика поэм является своего рода ключом к пониманию столь сложного, насыщенного сугубо авторскими прозренческими опытами текста, отражающего посвятельную концепцию Вяч. Иванова. Показательно, что устойчивость организации центральной сюжетной схемы всех трех поэм дает возможность говорить о едином макросюжете, представляющем собой метафизическое путешествие героя в пространство Высших сфер. Тогда сюжетная канва каждого поэзного текста будет раскрывать определенный этап этого путешествия-посвящения. Такая логика событийной организации повествования являет очевидную аллюзию на сюжетную модель «Божественной комедии» Данте, которую Иванов считал одним из величайших творений в истории человечества.

В художественном пространстве поэзного триптиха отчетливо прослеживается сверхвременной, трансисторический диалог Вяч. Иванова с Данте, который, по словам А. Б. Шишкина, «осуществлялся в подсознании, в жизни, в поэтической экзегезе, поэтике и в эстетическом дискурсе» [Шишкин, 1997, с. 505]. Обращение к этому диалогу позволяет выявить в тексте триптиха многообразие семан-

рассмотрению, как, впрочем, и сами эти тексты. Здесь мы лишь отметим основной художественный «крен», который испытывает традиционная поэзная форма под пером автора «Кормчих Звезд». Он выражается главным образом в трансформации повествовательной структуры с ее символично-философским заданием, что определило и сюжетно-композиционную организацию этих произведений.

² О комплексе посвящения см.: [Глухова, 2006].

тических пластов и приблизиться к сокровенному замыслу автора³. Вяч. Иванов испытывал к Данте и его наследию совершенно особый, исключительный интерес. По мнению В. В. Полонского, «своеобразие ивановского интереса к автору “Божественной комедии” на общем фоне состояло уже в том, что он был по-настоящему глубок. Его отличало несвойственное в целом русской рецепции Данте повышенное внимание именно к традиционным мистико-религиозным аспектам художественного мира и эстетики итальянского поэта. Но в первую очередь существенны попытки Иванова концептуально определить место дантовскому опыту при осмыслении задач “подлинного” символизма. “Божественная комедия” для Иванова – эталон теургического искусства» [Полонский, 2010, с. 196]⁴.

Для Вяч. Иванова Данте не только открыл выход к мистическим запредельным высотам и стал «образцом духовного подвига, восходящего к высшей символической иерархии Высшей Реальности», но явил образец и путь истинного Художника, результатом внутренних душевных опытов и творческого мастерства которого становится собственно символическое искусство, способное «возводить услаждающихся им, его право воспринимающих, – от реального к реальнейшему» [Иванов, 1971, т. 2, с. 638]. В поэнном же триптихе «Сфинкс», «Врата», «Миры возможного» «Дантов код» на многих смысловых уровнях выполняет структурообразующую и смысловотранслирующую роль, помогая автору воплотить философскую идею метафизического восхождения поэта к Высшим сферам Бытия. Более того, именно при взгляде на эти поэмы как на единое художественно-смысловое целое отчетливо открывается и та межвременная оптика Иванова, благодаря которой он воспринимал особую значимость для себя духовного опыта Данте.

Следование Иванова за великим поэтом очевидно уже из эпитафии к поэме «Сфинкс»:

O voi ch'avete li 'ntelletti sani,
Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame de li versi strani
(Inf., IX, 61–63)

В переводе Вяч. Иванова он выглядит так: «О вы, чей разум здрав, учение зрите, под покрывалом стихов странных» [Иванов, 1971, т. 1, с. 862]. Таким образом, Иванов вслед за Данте предупреждает читателя о загадочности и дидактичности своих стихов, скрывающих некое «учение». Далеко не случайно и то, что для этих «странных стихов» Иванов избирает ту же форму, что и Данте: все тексты поэм-

³ Л. Силард в подробном исследовании связей, объединяющих Данте и русских символистов, говорит о существовании «Дантова кода» русского символизма, подчеркивая необходимость учитывать этот код, «функционирование и преобразование его смысловых значений в процессе перехода из одного текста в другой» [Силард, 2002, с. 164].

⁴ На глубочайшее проникновение в гениальное произведение средневекового поэта повлияло знание Ивановым староитальянского языка, что позволило ему знакомиться непосредственно с оригиналами «Божественной комедии» и других работ Данте. Об ивановских переводах Данте и записях о нем пишет А. Б. Шишкин [Вячеслав Иванов..., 1996, с. 7].

ного триптиха написаны терцинами, что открывает для автора возможность создать эпически спокойный и «тягучий» тон героя / повествователя, который передает картину увиденного им инобытия. Подобное запредельное пространство открывал и герой «Божественной комедии», и терцины Иванова как бы настраивают на интертекстуальный «диалог» с этим великим текстом.

Сюжетика поэм «Сфинкс», «Врата», «Миры возможного» являет метафизическое путешествие Повествователя в пространство Высших сфер, в чем явно просматривается трансформированный, согласно ивановскому опыту «a realibus ad realia», сюжет Дантовского творения. Так же, как и герой Данте, Я-Повествователь в поэмах Иванова проходит три этапа путешествия, где каждому этапу соответствует одна из поэм. В ходе этого странствия он (герой / повествователь) обретает знание о высших законах мироустройства. В. А. Никитин отмечает, что «исходным для Вяч. Иванова, как и для Данте, является реально-мистический смысл всего сущего» [Никитин, 2002, с. 328]. В сюжете поэнного триптиха раскрывается мистическое в своей основе посвящение человеческого духа в тайны Бытия. Такая сюжетная организация призвана выразить в поэтической форме ивановскую идею *восхождения*, которое происходит в процессе мистического посвящения.

А. Б. Шишкин на примере ивановского образа «пылающего сердца» рассуждает о соотношении изначально заданной духовной вертикали Данте и вертикали *восхождения* Вяч. Иванова: «Движение по этой вертикали <...> от читателя через мистический опыт поэта и его земной труд – написанную им “Комедию” – к спасению в небесах. Эта вертикаль приходит на ум, когда мы обращаемся к символическим построениям Вяч. Иванова» [Шишкин, 1996, с. 346]. О вертикальной траектории посвятельного пути в поэнном триптихе свидетельствуют образы-символы Проводников – их, как и на пути дантовского героя, трое. Л. Силард отмечает значимость выбора наставников в «Божественной комедии»: «Водительная триада Вергилий – Беатриче – Бернар Клервосский символизирует утверждение символа веры» [Силард, 2002, с. 176]. У Иванова это триединство представлено Девой-Сфинксом в первой поэме «Сфинкс», Девой Жизни в поэме «Врата». В последней поэме триптиха – «Миры возможного» – Повествователь, как и герой Данте, называет проводника Вождем:

Скажи, мой Вождь! Бежав земного плена
И странствий, и страстей подъяв немало,
Искуплена ль душа от власти тлена?
[Иванов, 1971, т. 1, 669].

В этой поэме Вождь-Проводник присутствует рядом с Повествователем на протяжении всех происходящих событий, вступая с ним в диалог и объясняя происходящее. В словах Вождя очевидны христианские интенции, что позволяет допустить в том числе его божественную природу. Усиление роли представителя Высшей реальности показывает истинность и завершенность мистического посвящения, которое проходит герой / повествователь. Есть основания говорить, что такая линия и модель пути отражают отрефлексированную Ивановым вертикаль, присутствующую в философской мистике Данте.

Как и в сюжетной конструкции Данте, отправной точкой в поэмах Иванова становится граница между двумя реальностями – физической и метафизической. В поэме «Врата» она прямо соотносится с Дантовыми вратами ада. Иванов помещает героя / повествователя к «Вратам надежд, которым имя смерть» [Иванов, 1971, т. 1, с. 662]. Прописанная в сюжетной динамике ранних поэм Иванова дантовская вертикаль являет собой путь посвящения героя / повествователя, состоящий из трех ключевых этапов. В «Сфинксе» это триада стадий инициации героя / повествователя (встреча с Девой-Сфинксом, открытие картины Рая, диалог с Эдипом); во «Вратах» – посвящение через открытие Врат, венчание Жизни и Смерти, видение огненных символов *кольца* и *круга*; в «Мирах возможного» – встреча с Проводником-Вождем, открывающаяся перед Повествователем картина гибели его родной земли и, наконец, самоидентификация Повествователя с персонажем-убийцей.

Дальнейший ход событий, а также характер и выражение открываемых Повествователем истин указывают на мистико-гностическую тенденцию постижения Бога и Мира, которая обозначилась в современную Иванову эпоху. Этот смысловой уровень показывает и историческую преемственность между путем восхождения Данте, открытия которого были обусловлены средневековой схоластикой и мистическими интуициями автора, и гностико-мистическим познанием, воссоздаваемым Ивановым в поэнном триптихе. По наблюдениям В. А. Никитина, «поэтический гений Вячеслава Иванова совершенствовался в направлении от гностической символики к символике церковно-литургической», но «гностические мотивы в поэзии Вяч. Иванова пронизывают в той или иной степени всю его религиозно-философскую лирику, они отражают поистине космические реалии, жизнь вселенной и человека, макрокосм и микрокосм» [Никитин, 2002, с. 328]. Оттолкнувшись, таким образом, от конечного опыта Данте – видения Рая, к которому герой «Божественной комедии» прошел путь, заданный средневековой схоластикой, Иванов развивает свой, мистико-философский его вариант, ведущий к созерцанию божественных законов. Так, в поэме появляется старец Эдип с дочерью Антигоной, которые призваны выполнить роль проводников в трансцендентные сферы.

Дальнейший этап посвятельного восхождения Повествователя описан в поэме «Врата». Она открывается изображением границы двух миров, реального и ирреального, это и есть Врата. Начальная картина и образ Врат отсылают нас к описанию пути Повествователя, который предрекает ему Эдип в финале первой поэмы «Сфинкс». Сюжетная организация «Врат» отчасти повторяет логику развития действия в предыдущей поэме «Сфинкс». Как и в первом произведении, развитие событий происходит по цепочке встреч: Повествователя и Дев; Смерти и ведомого ею земного мира; венчания Девы Жизни и Смерти. В художественном пространстве этой поэмы Иванов переосмысляет и воспроизводит больше дантовских образов-символов, нежели в поэме «Сфинкс». Наиболее очевидным образом, отсылающим читателя к началу «Божественной комедии», является образ медных врат. При первых словах Повествователя:

Я зрел Врата, куда Земля и Твердь
И все, что днесь, – грядет дорогой верной, –
Врата надежд, которым имя – Смерть
[Иванов, 1971, т. 1, с. 662] –

вполне закономерно возникает ассоциация с вратами дантова Ада.

Аллюзию на толпы мучеников, кружащихся в мертвенно-леденящем ветру Ада, представляют во «Вратах» и людские толпы-потоки, символизирующие «людских племен погребальный хор». Несмотря на то что образы, клубящиеся в вихревом движении, весьма сходны с образами дантовских грешников, в произведении Иванова нет четко расписанных грехов и их возмездия, как у Данте. Иванов говорит о грехах и пороках человеческого рода вообще, он видит общую греховность человека, заложенную в его природе после грехопадения. Между тем, если герой Данте, заручившись поддержкой вождя Вергилия, пересекает порог Ада и отправляется в странствие по его кругам, странник-Повествователь Вяч. Иванова наблюдает открывшиеся ему ирреальные событийные картины, не переступая таинственного порога. Роль проводника, приоткрывающего для ивановского странника бытийные тайны, выполняет одна из трех хранительниц «скрижали дверной» – Дева Жизни, она дарует ему способность провидческого знания.

Третья поэма триптиха более других текстов, входящих в поэнный триптих, привлекала внимание исследователей. А. Асоян определяет сюжетную линию «Миров возможного» как кошмарный сон героя. Исследователь выделяет ряд моментов, общих для «Божественной комедии» и «Миров возможного»: так, внутреннюю форму поэмы он считает «развернутой метафорой душевного состояния лирического героя»; как и в творении Данте, он подмечает визионерский характер «Миров возможного» и, наконец, указывает на образ путника, который, по мысли ученого, «как Вергилий, ведет поэта к истинному прозрению». Вместе с тем исследователь отмечает, что «помимо этих особенностей, общих для “Комедии” и “Миров возможного”, примечательны сцены *запредельного* мира, явившиеся в поэме словно по ассоциации с дантовским Адом: *Увы, сколь многих жертв узнал я лица! Эта реплика звучит почти по-дантовски. Она возвращает в юдоль вечных мучеников горечь и боль земной жизни; она, как у Данте, оживляет страну кромешного мрака волнением пришельца из иного мира* [Асоян, 1990, с. 169].

Как мы уже смогли убедиться, подобный прием создания картины ирреального пространства присутствовал и в поэмах «Сфинкс» и «Врата». Разница между этими художественными элементами в том, что если у Данте воспроизводится панорама загробной, посмертной ипостаси существования, то у Вяч. Иванова предстает картина движения жизни человечества в масштабе Вечности, где крупным планом показаны пороки и мучения, преследующие человека после его греховного отпадения от Бога со времен Творения⁵. Отметим, что в словах Повест-

⁵ Г. Обатнин справедливо видит в ивановских текстах по-своему выраженную поэтом концепцию: «Он видел человека как сложное, таинственное, иногда даже опасное явление, <...> одна из основных метафор человеческого сознания у Иванова на протяжении всего творчества – лабиринт» [Обатнин, 2000, с. 7].

вователя, которому уже открылся бытийный закон единства Жизни и Смерти, теперь не слышится страх перед смертью. Теперь он с благоговейным трепетом называет ее то Девой, то вечной Жницей. Мистика нераздельности / неслиянности жизни / смерти во многом определяет спиритуальный сюжет последней части триптиха.

Сюжетное ядро «Миров возможного» в этом отношении передает заключительный этап посвятельного восхождения Повествователя. Определение конечного этапа пути звучит в словах метафизического проводника: «И дух в ответ: “Глянуть в сии зеркала / Ей надлежит, да упадут пред оком / Последние земныя покрывала. / Последним будет ей тот взгляд уроком”». На этот раз, Повествователь, как и герой Данте при виде мучеников в Аду, узнает знакомых:

Увы, сколь многих жертв узнал я лица!
Я зрел их сонм, обвалом заключенный
В ущелий безысходные темницы
[Иванов, 1971, т. 1, с. 671].

Заметим, что сюжет чудесного спасения героя и его последующего преступления в сжатой форме повторяет идею, раскрывшуюся в поэме «Сфинкс»: даже прозрев однажды райскую благодать и гармонию Божественного замысла, человек способен на противление Богу, на разрушающие гармонию преступления. Таким образом Иванов представляет заключительный этап посвящения-восхождения, на котором Повествователю открывается сложная и страшная по своей глубине тайна человеческой природы.

Итак, анализ сюжетной семантики триптиха передает очевидную ориентацию Иванова на опыт Данте. Перерабатывая опыт «Божественной комедии», открывающей этот священный путь движения души к Свету, Иванов по той же вертикальной траектории намечает собственный путь гностико-мистического посвящения. Направление этого пути, по мысли Иванова, идет от постижения законов Божественного устройства Вселенной к откровению таинственных глубин души Человека. Позднее в своих теоретических работах Иванов сформулирует эту концепцию всеединства, собственное видение отношений микро- и макрокосма: «Микрокосм – точное подобие макрокосма и в некотором таинственном смысле не подобие только, но и тождество» [Иванов, 1978, т. 4, с. 271]. Однако интуитивное, поэтическое предчувствие этих закономерностей обнаруживается уже в ранних поэмах писателя. Дантовский импульс, подхваченный Ивановым, разрешается в его художественно-философской концепции символического творчества, в которой предстает этап мистического восхождения как первое и необходимое условие. Взяв за основу дантовскую модель пути, автор «Кормчих звезд» разрабатывает в мистико-символическом метасюжете трех поэм собственную концепцию посвятельного пути, ступени которого должен пройти поэт-теург.

Таким образом, мистико-философский триптих «Кормчих звезд» может быть прочитан как интеллектуально-творческая и религиозно-философская программа Иванова, соотношенная с глубинными пластами его духовной личности и художественного сознания. Углубление и развитие ее положений будет наблюдаться на протяжении всего дальнейшего творчества поэта-мыслителя.

Список литературы

- Асоян А. А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» в России. М.: Книга, 1990. 214 с.
- Вячеслав Иванов (Из черновых записей о Данте) / Вступ. заметка и подгот. текста А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: На-следие, 1996. С. 7–13.
- Глухова Е. В. Андрей Белый – Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. С. 100–132.
- Иванов В. И. Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1–4.
- Никитин В. А. Гностические мотивы в поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Ива-нов. Творчество и судьба. М.: Наука, 2002. С. 324–331.
- Обатнин Г. В. Иванов-мистик. М.: НЛЮ, 2000. 240 с.
- Полонский В. В. Русская дантиана рубежа веков // Шахматовский вестник. М.: Наука, 2010. Вып. 10–11. С. 194–207.
- Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
- Шишкин А. Б. «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова. К теме «Вяч. Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: На-следие, 1996. С. 333–352.
- Шишкин А. Б. Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Тренто: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche Trento, 1997. С. 503–528.

References

- Asojan A. A. “Pochtite vysochaishego poeta...”. Sud’ba “Bozhestvennoi komedii v Rossii” [“Honor the highest poet...”. The fate of the “Divine Comedy in Russia”]. Moscow, Kniga Publ., 1990, 214 p. (in Russ.)
- Glukhova E. V. Andrei Belyi – Vyacheslav Ivanov: kontseptsiya dukhovnogo puti. Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul’tura Serebryanogo veka [Vyacheslav Ivanov’s Tower and the culture of the Silver Age]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2006, pp. 100–132. (in Russ.)
- Ivanov V. I. Collected Works. Eds. D. V. Ivanov, O. Deshart; comment. by O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971–1987, vol. 1–4. (in Russ.)
- Nikitin V. A. Gnosticheskie motivy v poezii Vyach. Ivanova [Gnostic motifs in the poetry of Vyach. Ivanov]. In: Vyacheslav Ivanov. Tvorchestvo i sud’ba [Vyacheslav Ivanov. Creativity and Destiny]. Moscow, Nauka, 2002, pp. 324–331. (in Russ.)
- Obatnin G. V. Ivanov-mistik [Ivanov the mystic]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, 240 p. (in Russ.)
- Polonsky V. V. Russkaya dantiana rubezha vekov [Russian Dantian of the turn of the century]. In: Shakhmatovskii vestnik [Shakhmatov’s Bulletin]. Moscow, Nauka, 2010, iss. 10–11, pp. 194–207. (in Russ.)

Shishkin A. B. “Plameneyushchee serdtse” v poezii Vyacheslava Ivanova. K teme “Vjach. Ivanov i Dante” [“The Flaming Heart” in the poetry of Vyacheslav Ivanov. To the topic “Vyach. Ivanov and Dante”]. In: Vyacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniya [Vyacheslav Ivanov. Materials and research]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 333–352. (in Russ.)

Shishkin A. B. Vyacheslav Ivanov i Italiya [Vyacheslav Ivanov and Italy]. In: Rizzi D., Shishkin A. (comp.). Russko-ital'yanskii arkhiv [Russian-Italian archive]. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche Trento, 1997, pp. 503–528. (in Russ.)

Silard L. Germetizm i germenevtika [Hermeticism and hermeneutics]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2002, 328 p. (in Russ.)

Vyacheslav Ivanov (Iz chernovykh zapisei o Dante). Intr. and prep. by A. B. Shishkin. In: Vyacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniya [Vyacheslav Ivanov. Materials and research]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 7–13. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Павловна Баранова, кандидат филологических наук
Наталья Васильевна Дзуцева, доктор филологических наук

Information about the Authors

Elena P. Baranova, Candidate of Sciences (Philology)
Natalia V. Dzutseva, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted on 11.10.2023;
approved after reviewing on 12.02.2024; accepted for publication on 12.02.2024